

О принадлежности Пушкину эпитаграммы „Мы добрых граждан позабавим...“

М. Цявловский

«Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает», говорил Александр I в 1820 году.

Он не преувеличивал. Это нам теперь хорошо известно как из показаний декабристов на следствии, так и из мемуаров современников.

Среди свободолобивых стихотворений Пушкина, «презревших печать» и распространявшихся в многочисленных списках, видное место занимали эпитаграммы. Но ни количества этих эпитаграмм, ни подлинного текста их мы в точности не знаем. Имеются два рассказа близких к Пушкину лиц — Ф. Н. Глинки и И. И. Пущина — о том, как он в апреле 1820 года был вызван к петербургскому генерал-губернатору гр. М. А. Милорадовичу для допроса. На предложение последнего представить нелегальные стихотворения, Пушкин, по словам Глинки, заявил: «Граф! все мои стихи сожжены! у меня ничего не найдется на квартире, но если вам угодно, всё найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу всё, что когда либо написано мною (разумеется кроме печатного) с отметкою, что мое, и что разошлось под моим именем». «Подали бумаги» — рассказывает мемуарист. — «Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь»¹.

Об этом же так рассказывает Пущин: «Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его

квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же всё вам напишу». (Пушкин понял в чем дело). Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!»¹ и пожал ему руку. Пушкин сел, написал все контрабандные свои стихи и попросил дежурного адъютанта отнести их графу в кабинет»².

Эта замечательная тетрадь с «контрабандными» стихами, по свидетельству Глинки, была представлена Милорадовичем Александру I. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Вероятнее всего, тетрадь была уничтожена, и пушкинская текстология лишилась этого совершенно исключительного по своему значению источника политических стихотворений Пушкина 1817—1820 годов, и в первую очередь эпитаграмм. В распоряжении текстолога, таким образом, теперь имеются лишь списки их и появлявшиеся на основании этих списков печатные тексты.

В отношении первых прежде всего нужно отметить, что ранних списков для большинства эпитаграмм дошло до нас очень немного. Объясняется это прежде всего тем, что небольшие по размерам, выразительные, легко запоминавшиеся эпитаграммы, сочиненные на злобу дня, распространялись в устной передаче: записывать их не было особенной нужды, да и небезопасно было это делать. Последнее обстоятельство, ко-

¹ «Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. Рассказ Ф. Н. Глинки». — «Русский архив» 1866, стр. 919. Разрядка — подлинника.

¹ Ah, это по-рыцарски!

² И. И. Пущин «Записки о Пушкине и письма» ГИЗ, 1927, стр. 79—80.

нечно, часто заставляло уничтожать сделанные записи. Лишь в середине XIX века, когда персонажи пушкинских эпиграмм, отойдя в более или менее отдаленное прошлое, стали достоянием истории, и стихотворения Пушкина потеряли остроту злободневности, они вносились в специальные сборники, представляющие собою «своды» не напечатанных стихотворений Пушкина и составлявшиеся библиофилами и библиографами в целях более или менее научно-образного учета и изучения произведений поэта. Таковы сборники М. Н. Лонгинова (в копии С. Д. Полторацкого), Н. С. Тихомирова, П. А. Ефремова, П. А. Александрова, сборники впоследствии принадлежавшие В. Е. Якушкину и П. Я. Дашкову¹. Особенностью этих сборников является почти полное отсутствие в них указаний на источники внесенных в «свод» текстов. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет текстологу определять степень достоверности того или иного текста. Не имеется этих указаний и при текстах, впервые напечатанных Герценом в книжках его «Полярной звезды» на 1856, 1858 и 1859 гг., Н. В. Гербелем в «Стихотворениях А. С. Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений» 1861 г. и Н. П. Огаревым в его сборнике «Русская потаенная литература XIX в.» 1861 г.

Совершенно особое место среди политических стихотворений, ходивших с именем Пушкина, занимает эпиграмма «Мы добрых граждан позабавим». Мне известно лишь три копии этой эпиграммы.

Самой авторитетной из этих копий является текст, имеющийся в тетради стихотворений, принадлежавшей Алексею Васильевичу Шереметеву. Тетрадь эта хранится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР. Она дошла до нас не полностью. На оставшихся девятнадцати целых листах и четырех обрывках имеются сорок одно стихотворение полностью (в сорока двух копиях) и двенадцать в отрывках. Стихотворения эти принадлежат Пушкину, Ф. И. Тютчеву, С. Е. Раичу, А. Д. Илличевскому, бар. А. А. Дельвигу, Д. В. Давыдову, кн.

¹ Ни один из этих сборников научно не описан, и содержание их полностью не опубликовано.

П. А. Вяземскому, гр. Ф. И. Толстому и неизвестным. Стихотворений Пушкина — двадцать семь полностью и шесть в отрывках: 1) Истина, 2) В альбом Зубову, 3) Казак, 4) Эпиграмма «Руслана и Людмилы», 5) Усы, 6) Экспромт М-ой («Что можем наскоро стихами молвить ей...»), 7) К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...») ¹, 8) К Энгельгардту («Я ускользнул от Эскулапа...»), 9) «Мы добрых граждан позабавим», 10) Его Сиятельству графу Триа² («Холоп венчанного солдата...»), 11) Платонизм, 12) Уединение (из Арно) («Блажен, кто в отдаленной сени...») ³, 13) История стихотворца, 14) «Христос воскрес, моя Ребека...», 15) «Умножайте шум и радость...», 16) Безверие, 17) К к. Г. при оде «Вольность», 18) Романс («Под вечер осенью ненастной...»), 19) Прощание («Я видел смерть...»), 20) К Всеволожскому, 21) А. Н. М. («Лук звенит, стрела трепещет...»), 22) «Я пережил мои желанья...», 23) К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин...»), 24) К. Г... у («Когда печальный стихотвор...»), 25) К Кривцову («Не пугай нас, милый друг...»), 26) Эпиграмма («Ты прав, несносен Фирс ученый...») и 27) Вечер («Я люблю вечерний пир...»).

Не полностью сохранились: 1) А. Ф. Орлову («О ты, который сочетал...»), 2) Кинжал, 3) Послание цензору, 4) Желание («Медлительно влекутся дни мои...»), 5) Письмо Татьяны к Онегину и 6) Воспоминания в Царском Селе («Навис покров урюмой ночи...»).

Бумага (верже) листов тетради имеет водяной знак «1816». Судя по содержанию, тетрадь заполнялась в 1820-ых годах. Несомненно по этой тетради Е. И. Якушкин в своей статье «По поводу последнего издания сочинений Пушкина» приводил стихи из элегии «Прощание», называя тетрадь «сборником стихотворений, принадлежавшим А. В. Шереметеву и составленным

¹ По этому тексту послание печатается в изданиях полного собрания сочинений Пушкина Гослитиздата и «Асабетиа», начиная с издания 1935 г. См. об этом в статье «Работа над текстами А. С. Пушкина» в «Литературной газете» 1936 г. от 20 декабря.

² Под «Триа» разумеется гр. А. А. Аракчеев. Такой криптограммы мы больше нигде не встречали.

³ Текст стихотворения имеется в двух копиях.

в начале двадцатых годов»¹. Владелец тетради, Алексей Васильевич Шереметев (1800—1857), двоюродный брат Ф. И. Тютчева, приходился дядей Е. И. Якушкину. Ученик поэта С. Е. Раича, Шереметев был любителем поэзии и, возможно, сам писал стихи. Имеется свидетельство, что он был знаком с Пушкиным. Внук Шереметева, гр. Вл. Мусин-Пушкин писал о дяде: «Сношения с декабристами, близкими к Пушкину, и общая дружба с Пушкиным вероятно были причиной его приятельских отношений с поэтом, о чем я не раз слышал от моей покойной матери гр. В. А. Мусин-Пушкиной, рожд. Шереметевой. Так, помню рассказ о том, что Пушкин поцеловал раз деда в лоб в благодарность за удачно подобранную рифму, которая ему долго не давалась. К деду же Пушкин в шутку относил стих из «Братьев-разбойников»... «и с ленью праздной везде кочующий цыган». Сравнение с цыганом вероятно вызвал его смуглый облик, а о лени говорит и другой известный поэт—двоюродный брат его, Ф. И. Тютчев в посвященном деду послании...»². Получать тексты стихотворений Пушкина Шереметев мог, если не от самого поэта, то от лиц ему близких. Об авторитетности источников, из которых Шереметев получал тексты стихотворений Пушкина, свидетельствует то обстоятельство, что в тетради нет ни одного стихотворения, из числа ложно приписывавшихся поэту. С другой стороны, тексты стихотворений в тетради чрезвычайно высокого качества, а одно из них «К Галичу» дает прекрасную послелицейскую редакцию лицейского послания, дошедшую в одной лишь этой копии. К этому нужно прибавить, что А. В. Шереметев был очень близок с декабристами — обе сестры его были замужем за декабристами — одна за М. Н. Муравьевым, другая за И. Д. Якушкиным. А в среде декабристов, конечно, в первую очередь и распространялись поэтические стихотво-

рения Пушкина. Таковы основания, заставляющие нас отнести к свидетельству Шереметева с глубочайшим вниманием.

На стр. 59-ой его тетради имеется такая запись:

Et ses mains ourdiraient des entrailles du
prêtre
Au défaut d'un cordon pour étrangler les
Rois etc. Voltaire¹.

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

А. Пушкин.

Второй список этого стихотворения имеется в сборнике стихотворений Пушкина, составленном в первой половине 1850-ых годов Н. С. Тихонравовым (впоследствии известным историком русско-й литературы, профессором Московского университета). Текст здесь такой же, что и в тетради Шереметева, но без французских стихов; помещен он в отделе «Эпиграммы, надписи и пр.». Третий список имеется тоже в сборнике, составленном не ранее второй половины 1850-ых годов и принадлежавшем В. Е. Якушкину. И здесь текст такой же, как у Шереметева. Четвертый список имеется в тетради приятеля Пушкина П. П. Каверина, теперь неизвестно где находящейся. Содержание этой тетради было опубликовано в 1913 году Ю. Н. Щербачевым в его книге «Приятель Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин». В этой тетради Каверин делал записи разнообразного содержания. В ней находим, кроме стихотворений Пушкина, произведения и других поэтов как на русском, так и на французском языках, прозаические выписки, заметки самого Каверина. Среди записей имеется напечатанная Щербачевым в таком виде:

«Подражание Мирабо.
Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа

.....
.....
И. Н. 824. Калуг».

Таким образом в записи Каверина не указан автор четырехстишия, но, кажется, можно не сомневаться, что Каверин считал эти стихи пушкинскими. В имеющемся на

¹ «И руки его сплетали кишки священника, чтобы в случае недостатка веревок удавливать ими царей». Вольтер.

¹ «Библиографические записки», 1858. № 10, стр. 317—318. В связи со стихотворениями Тютчева, имеющимися в тетради, она была описана в статье Б. Томашевского и Ю. Тынянова «Молодой Тютчев» в «Тютчевском сборнике», изд. «Былое», Пгр., стр. 40—47.

² Мусин-Пушкин гр. Вл.: «Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году»—«Русская старина», 1909 г., № 1, стр. 191—192. Еще см. (Гр. С. Д. Шереметев) «Записная книжка», выпуск I, М., 1903, стр. 27.

внутренней стороне задней крышки переплета тетради оглавления эпиграмма помещена среди десяти несомненно пушкинских стихотворений¹, причем ни одно из этих стихотворений в записи Каверина не имеет под текстом фамилии поэта. Свидетельство Каверина о принадлежности эпиграммы Пушкину имеет, конечно, не меньшее, если не большее, значение, чем свидетельство Шереметева.

Такова рукописная традиция эпиграммы. Обратимся к истории ее в печати. Исключительная «нецензурность» ее не позволяла даже упоминать в русской печати этого стихотворения. Впервые назвал его Н. В. Гербель в томике «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», вышедшем в Берлине вероятно в августе 1861 года. В предисловии к этому Собранию Гербель поместил список шестнадцати стихотворений, по словам составителя, «быть может и принадлежащих Пушкину, как утверждают некоторые библиографы, но сильно пострадавших от небрежности переписчиков, так что их трудно признать за пушкинские, без ясных на то доказательств». В числе этих стихотворений три: «К Аракчееву» («Всей России притеснитель...»), «Орлов с Истоминой в постеле...» и «Се самый Дельвиг тот...» — несомненно принадлежат Пушкину, а одно — «Надинке» («С тобой приятно уделить...») — печатается в собраниях сочинений Пушкина в разделе «Dubia». Эпиграмма «Мы добрых граждан позабавим» занимает в списке третье место и названа здесь: «Подражание Дидероту». У заглавия в скобках дан первый стих: «Мы добрых граждан позабавим». Кого разумел Гербель, говоря о «некоторых библиографах», утверждавших, что эпиграмма относится к числу стихотворений, «может быть и принадлежащих Пушкину», остается в точности неизвестным. Но более чем вероятно, что Гербель имел в виду Е. И. Якушкина и А. Н. Афанасьева, пользовавшихся тетрадью Шереметева во время своих работ над текстами Пушкина. Что же касается утверждения Гербеля, что эпиграмма «Мы добрых граждан позабавим» «сильно пострадала от небрежности переписчиков», почему ее и «трудно признать

за пушкинскую, без ясных на то доказательств», то тут умеренный либерал, надо полагать, кривил душой. Текст эпиграммы, конечно, «сильно» не «пострадал от небрежности переписчиков». Не хотелось же Гербелю признавать ее за пушкинскую, конечно, из-за содержания ее, почему эпиграмма и не вошла в сборник Гербеля. Иначе поступил Н. П. Огарев, напечатавший ее в своем сборнике «Русская потаенная литература XIX века», вышедшем в Лондоне в сентябре 1861 года. Здесь эпиграмма названа «Подражание французскому», и первый стих читается: «Народ мы русской позабавим». Текст остальных трех стихов такой же, как и в рукописных списках.

Источник эпиграммы неверно указан и Шереметевым, ошибочно считавшим приведенные им стихи сочинением Вольтера, и Кавериним, приписавшим их Мирабо. Правильное указание источника дано в заглавии эпиграммы в сборнике Гербеля Третий и четвертый стихи эпиграммы представляют собою перевод стихов:

Et des boyaux du dernier prêtre
Serrons le cou du dernier roi¹,

приведенных как стихи Дидро Лагарпом в его известном «Lycée au cours de littérature ancienne et moderne» (т. XV, гл. III, раздел IV, по изд. 1817 г.). Этот «Курс» был учебным пособием в лицее. Над «грозным Аристархом в шестнадцати томах» Пушкин, как он сам признавался, «часто время трагил». И, действительно, Лагарп долго являлся для поэта главным источником его сведений по истории мировой литературы. Таким образом Пушкин не мог не знать приведенных Лагарпом стихов². Резкое осуждение стихов, имеющееся в его «Курсе», для Пушкина, конечно, могло явиться только лишним поводом переложить по-русски суровые французские строки, к которым он прибавил два стиха собственного сочинения.

Ни в одном из собраний сочинений Пушкина, вышедших в свет после публикации Огарева до революции, нет даже упоминаемой эпиграммы. В первом собрании сочине-

¹ «И кишками последнего священника
Сдавим шею последнему королю».

² Приведенные Шереметевым стихи принадлежат Дидро. Кому принадлежит их переделка, приведенная Лагарпом, остается неизвестным. См. указанную ниже статью Н. О. Лернера.

¹ См. указанную книгу, стр. 65. В этом оглавлении стихотворение названо: «Слово Mirabeau».

ний Пушкина, вышедшем в годы революции под редакцией В. Я. Брюсова, последний в примечании к разделу «Стихотворения, принадлежность которых Пушкину не доказана или сомнительна (Dubia), 1817—1819 г.», напечатал эпигramму по сборнику Огарева, заметив, что она находится «безусловно в противоречии с подлинными стихами Пушкина», то есть отрицая принадлежность эпигramмы поэту¹. Такого же мнения был и Н. О. Лернер, писавший в статье, посвященной выяснению источника эпигramмы: «Насчет Пушкина Гербель был прав: приписывать «Подражание» ему нет никаких оснований. Оно сочинено, вероятно, в самом начале XIX века, и со временем юный «либералист» Пушкин лишь читал его так же, как читала вся передовая русская молодежь. Подобными проявлениями французского остроумия и темперамента питалась ее оппозиционное настроение. Так Пушкин тешился «славной шуткой» г-жи Сталь — о русском самодержавии, ограниченном только убийством»².

Заявление Лернера, что «приписывать «Подражание» Пушкину нет никаких оснований» — совершенно голословно. Не говоря уже о том, что Лернеру не было известно свидетельство Шереметева, а с записью Каверина он не считал нужным посчитаться, мнение, что Пушкин не может быть автором эпигramмы, основывалось на неполном, а потому неверном представлении о поэте, как трибуне радикальных идей своего времени. Недавно мы узнали из воспоминаний И. П. Липранди, на какие дерзкие выходки был способен несдержанный поэт, предлагая

в Кишиневе на обеде у генерала Д. Н. Бологовского тост в память убийства Павла¹. Только что «выявленный» кишиневский дневник кн. П. И. Долгорукова сохранил нам пламенные, полные негодования речи поэта против самодержавия и крепостного права. В частности, мы теперь знаем, как Пушкин «нападал на дворян русских», считая, что «их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием загибал бы петли»².

Все это решительно не позволяет нам в категорической форме отрицать принадлежность Пушкину резолюционной эпигramмы. Как можно утверждать, что поэт, по словам Вяземского, «живший и раскалявшийся в жгучей и вулканической атмосфере» декабристских кругов, не мог симпатизировать вольный перевод французских стихов, с такой страшной экспрессией выражающих дух великой буржуазной революции. Конечно, никогда нельзя забывать слова поэта, что «всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову»³. Это заявление обязывает редактора сочинений Пушкина к сугубой осторожности в решении трудного вопроса об авторстве Пушкина ряда стихотворений, распространенных в свое время с именем поэта. Но нам кажется, что на основании приведенных фактов и соображений эпигramму «Мы добрых граждан позабавим» необходимо вводить в отдел «Dubia» собрания сочинений поэта.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Том первый, часть первая. Госиздат, 1919 (на обложке: 1920), стр. 135.

² Н. О. Лернер. «Мелочи прошлого.» Из прошлого русской революционной поэзии. I. «Подражание французскому» — «Каторга и ссылка», № 8 (21), 1925, стр. 240—241. О «славной шутке», Сталь, см. в «Заметках по русской истории XVIII века» Пушкина.

¹ М. А. Цявловский. «Из Пушкинианы П. И. Бартенева. II. Из воспоминаний И. П. Липранди о Пушкине». Летописи Гос. литературного музея, т. I. Пушкин. 1936. Стр. 552.

² Влад. Бонч-Бруевич. «Ценный документ о Пушкине». — «Правда», 11 декабря 1936 г.

³ «Воображаемый разговор с Александром I» Об этом же писал Пушкин Жуковскому 10 июля 1826 г.: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова».

КРАСНАЯ НОВЬ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
КРИТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

О Р Г А Н
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЯНВАРЬ

№ 1



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 3 7